КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

ОБМИРАНЬЕ

Неисповѣдимы будущія судьбы Руси — а широко раскинулся материкъ ея, и много простору обнялъ одинъ языкъ, одна рѣчь, одинъ народный духъ. Много мерзости запустѣнія видится по грѣшному лицу ея, искаженіе внѣдрилось въ человѣчество и бродитъ въ немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе — но вѣчнаго броженія нѣтъ, а упованіе не умираетъ.... тутъ и тамъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, кой–гдѣ, въ укромной тиши, среди потемковъ, искры, обдающія тепломъ и свѣтомъ — и повсюду Божеское Провидѣнье, не покинувшее доселѣ народа своего и отвѣчающее на безуміе премудростію: и въ такихъ–то нежданыхъ искоркахъ отрадно разгадывать предвѣстника зари будущаго разсвѣта....

Чѣмъ дальше отъ столицъ нашихъ на югъ и на востокъ, тѣмъ просторъ

становится шире, и еще много, много видится тутъ умственно впереди.... Катишься по природному хрящу полотна, не устлана дорога золотомъ, не полита потомъ, чтобъ желѣзо ѣла – какъ говорится о щебенкѣ, а такъ создана, какова есть; не глушитъ и пронзительный свистъ рыскающаго пароваго звѣря, не мчитъ онъ тебя вихремъ, такъ, что свѣта божьяго не видать, не кружитъ тебѣ голову отъ мелькающихъ столбовъ, рѣшетокъ, значковъ и будокъ, а скачешь и катишься раздольно, льготно, оглядываешься на частыя дубравы, на пологіе зеленые скаты, на крутые берега, на дальніе темные боры, на сѣдой придорожный ковылъ, на стерлитамацкія мѣловыя горы, на синее плесо Бѣлой, мелькнувшее внезапно съ темени взлобка....

Такъ и я скакалъ когда–то, и коренной обитатель этой дикой, обильной стороны, Башкиръ, поматывалъ кнутикомъ и тянулъ, уныло завывая, тоскливую пѣсню свою. Дымокъ по ясному небу издалеча указалъ жилье, и это былъ городокъ, населенный

казаками, мѣщанами, торгашами, немногими Татарами и должностными по управленію лицами, окруженный хорошими селами, скопомъ переселенцевъ изъ десятка малоземельныхъ губерній, даже изъ Украйны. Подъѣзжаемъ вскачь, во весь духъ — коли дымкомъ запахло, то башкирской тройки на лычныхъ возжахъ не удержишь — гляжу — и сюда, и въ эту глушь забрались былые порядки, и тутъ у въѣзда стоитъ застава, хотя огорожи нѣтъ никакой и въѣздъ во всѣ улицы вольный; но караула нѣтъ, оченъ высоко приподнялъ журавлиный носъ свой, расписанная клѣтками будка пуста; изъ нея торчитъ солома, вокругъ бродятъ телята и гуси, а рѣзвая коза, вскочивъ на очепъ, осторожно пробирается по немъ въ гору, сама не зная зачѣмъ: вѣроятно, какъ Англичанинъ, чтобы побывать тамъ, гдѣ еще никто не бывалъ. Всѣ улицы идутъ прямо внизъ, къ рѣкѣ, и Башкиръ промчалъ меня на лыкахъ подъ гору, съ трудомъ заворотивъ по запоздалому крику моему лошадей и подъѣхавъ большимъ кругомъ къ

указанному ему домику съ зелеными ставнями. Я ѣхалъ по службѣ, и эти зеленыя ставеньки были издавна суточнымъ пріютомъ моимъ на перепутьи.

Старушка, но еще крѣпкая и здоровая, съ засученными по локоть рукавами, съ кулаками въ мукѣ, хлопотливо выглянула изъ сѣнецъ на деревянное крылечко и разсыпалась въ привѣтливыхъ причитаньяхъ.

— Ахъ негаданый желанный! Вотъ кого Богъ принесъ! Что давно не бывалъ? А у меня седни пирогъ съ бѣлорыбицею, да ботвинья съ провѣсною, вотъ словно ждала дорогаго гостя!

Старуха обнялась со мною и повела за руку чрезъ высокій порогъ въ свѣтелку. Тутъ все по–старому: широко разрослась розанель по окнамъ, а между нею тычкомъ стоятъ бальсамины, вѣчно въ цвѣту; столикъ съ синею салфеткой, посреди которой сидитъ затканый бѣлый пѣтухъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ; желтый ситцевый диванъ, съ котораго, ради гостя, спѣшно сдернули чахолъ, и явились мирныя

картины возвращенія въ свои семьи ратниковъ изъ–подъ Француза: вездѣ объятія, хлѣбъ–соль, веселье, и право, Авдотья Власьевна не могла подобрать лучшаго картиннаго узора для своего дома.

Хозяйка моя была женщина замѣчательная, а я зналъ ее уже давно. Все насущное имущество свое она заработала колотьбой и трудомъ, здравымъ смысломъ и оборотливостью; правда, мужъ оставилъ–было ей на хлѣбъ и на одежу, оставилъ ей и тесовую кровельку, подъ которою жилось уютно, да зятекъ сумѣлъ объѣхать тещу на кривыхъ, прочитавъ полуграмотной довѣренность на заборъ товара для торга на сотню рублей, а давъ подписать дарственную запись на домъ, на скотъ и на деньги, которыя ею розданы были, по обычаю, въ ростъ. Доброе дѣло это обнаружилось для Авдотьи Власьены не прежде, какъ когда уже зятекъ, прогулявъ все, сталъ безъ обиняковъ гнать ее изъ дому. Кромѣ этой замужней дочери, у нея былъ еще малолѣтній сынъ, которому она и прочила имѣньице свое. Понявъ въ чемъ

дѣло, узнавъ, что всѣ долги давно собраны зятемъ и что сама она живетъ въ чужомъ домѣ, Авдотья Власьевна долго не думала; по ея убѣжденіямъ, нельзя было не разругаться за это съ зятемъ, а затѣмъ надо было позаботиться о себѣ и о сынѣ.

— Гдѣ у тебя Богъ твой, сказала она зятю, — аль ты думаешь, что Онъ каинскихъ дѣлъ твоихъ не увидитъ? Увидитъ онъ все, зятекъ, помяни меня, не дастъ онъ младенца въ обиду, не оставитъ его безъ пріюта; а ты, да я еще и глазъ своихъ не закрою, какъ ты накланяешься братцу своему, отопчешь пороги его! А ты, донюшка, не величайся своимъ гильдействомъ, а знай, коли твоя вина тутъ есть въ этомъ дѣлѣ, то и ты недолго набарствуешь, радехонька будешь братскіе полы подмыть!

Кончивъ такимъ образомъ эти разчеты, Авдотья Власьевна перекрестилась, вышла съ ребенкомъ изъ дому и дала зарокъ: не знать покоя, ни днемъ, ни ночью, покуда не воротитъ сыну отцовскаго наслѣдья.

Водворившись у кумы, она первые дни провела не безъ дѣла, поминая зятька не добромъ, по поводу бесѣды съ совѣтчиками и соболѣзнователями, которыхъ было не мало. Но, поуспокоясь и сказавъ: Богъ съ нимъ, она ободрилась, сосчитала небольшія деньжонки свои и рѣшилась торговать для заработковъ. Доселѣ она была домостройка, скопидомка, славилась умѣньемъ печь пироги, да готовить суточные щи, кои замораживались и снова переваривались, а теперь принялась за торговлю въ разъѣздъ: купивъ пару добрыхъ коней и справивъ двѣ упряжки, она поѣхала съ двумя возами орѣховъ, на кои въ тотъ годъ былъ урожай, въ Оренбургъ, и взяла съ собой сына и еще работника. Это городъ степной, гдѣ дынь и арбузовъ много, а орѣховъ нѣтъ; Власьевнѣ едва дали стать на базаръ, какъ уже молва разнеслась по городу, что орѣхи въ привозѣ, и двѣ подводы очистили, расхватали ихъ до скорлупки. Одну телѣгу нагрузила она арбузами, другую кишмишомъ и урюкомъ, да бухарскою

красною выбойкой, которую народъ такъ любитъ, за дешевизну и прочность ея, потому что она въ носкѣ мало уступаетъ холсту. И Власьевна не довезла своего товара до–дому, все дорогой разобрали: на ягоды кидались торговые люди, для развозки по сельскимъ базарамъ, а на выбойку бабы, въ каждомъ селеніи. Воротясь съ пустыми возами и одними гостинцами кумѣ восвояси и встрѣченная вопросами о томъ, какъ Богъ помогъ, она только смѣючись головой поматывала да отмахивалась руками. «Ты ништи у меня, молчи», приговаривала она сыну, «небось, Господь сироты не покинетъ!» И опять поѣхала она съ орѣхами, да съ возомъ лука, и такъ же вернулась съ бухарскимъ товаромъ, а по первозимью повезла орѣховаго масла, меду, соленыхъ груздей — всего этого нѣтъ въ степномъ мѣстѣ — а воротилась съ уральскою рыбой и икрой, товаромъ дорогимъ, который перекупленъ былъ у нея купцами и пошелъ въ Уфу.

«Никакъ обозы Авдотьи Власьевны пришли!» говорили шутники, когда ночной

скрыпъ полозьевъ раздавался длительно подъ окнами. «Да, отвѣчалъ другой, поди вотъ, какую силу забрала, вѣдь скоро въ городѣ у насъ купца не будетъ съ оборотомъ противъ нея!» — «Старательна больно, замѣтилъ третій, да смышлена, опять же, знать, и Господь постоялъ за сироту, вѣдь ужь больно пьянюжка этотъ обидѣлъ старуху!» «Крѣпка въ словѣ, объяснилъ еще другой, сроду никого не обманывала, да и сына тому же учитъ, вотъ съ нею и торговые всѣ лучше дѣла–тѣ дѣлаютъ чѣмъ съ любымъ купцомъ; барыши барышками, да вѣдь на торгъ они съ убытками на одномъ полозу ѣздятъ; нашъ братъ малосильный чуть подойдетъ, по грѣхамъ своимъ, ну и кинутся всѣ на расхватъ, и подшибутъ; а вишь ей вѣрятъ, не жмутъ, все только кланяюся, почетъ отдаютъ, знаютъ, что всѣ сроки исполнитъ». — «Вѣстимо, отозвался еще одинъ, горемычнымъ голосомъ, безъ вѣры не торговля, а колотьба; мошну–ту убьешь на товарѣ, а перехватить–то и нечѣмъ!»

И доѣздилась–таки Авдотья Власьевна до того, что выкупила родовой домикъ свой, пропитый разгульнымъ зятемъ, исправила, ухитила его, убрала уютно, записала сына въ гильдію, передала ему всю торговлю, наказавъ ему не поминать зятьяка лихомъ и считать нажитое ею за отцовское наслѣдье. Поправивъ и устроивъ дѣла такимъ образомъ, она сама усѣлась на покой. Ей чрезъ улицу шапку сымали, а къ обѣднѣ идучи, она едва поспѣвала на всѣ стороны раскланиваться.

— Что тебя, Власьевна, давно не видать на нашей сторонѣ? спросилъ я: — аль по рыбу болѣ не ѣздишь?

— Полно мнѣ, старой бабѣ, по большимъ дорогамъ мыкаться, слава Богу, свое дѣло сдѣлала: за свою простоту потрудилась, чужой грѣхъ покрыла, отцовскимъ благословеньемъ сынка не обидѣла, стало–быть, Господь милостивъ къ намъ; пусть теперь Прокопій Андреевичъ самъ за себя постоитъ; я всѣ дѣла ему передала, пусть самъ заправляетъ.

— А гдѣ же у тебя Проня? спросилъ я.

Старуха зорко на меня поглядѣла, хитро прищурилась и шепотом сказала:

— На слѣдъ краснаго звѣря напалъ, такъ вишь порошей выслѣживать поѣхалъ!

— Вотъ какъ, среди краснаго лѣта да порошей! Это ты, Власьевна, загадками глаза отводишь? На какого жь онъ краснаго звѣря позарился, сказывай!

— А кто его знаетъ, на чернаго ль соболя, на бѣлую ль горностайку, его воля — вотъ увидимъ.

— Ну, дай Богъ любовь да совѣтъ, коли такъ, вотъ и Проня твой заживетъ не получеловѣкомъ, малый онъ славный, да ты же его добру и учила; а по нраву ль тебѣ невѣста?

— Тебѣ вотъ все до ноготка, всю запазушную разкажи! Ему вѣдь жить съ нею, а мнѣ только глядючи радоваться; сказываютъ, не то чтобы въ окно подать, а хоть кому на ладонкѣ поднести: и умница какая, и до сиротства жалостлива; предъ Пасхой, сказываютъ, отцу насупротивничала, а все изъ–за этого жь дѣла: ты, тятенька, говоритъ, мнѣ мантона–

то не справляй, мнѣ не надо, а ты вотъ бѣдняковъ этихъ пристрой! А отецъ–то, сказываютъ, нравный такой, а дочь–ту любитъ, ну и выпросила–таки, отецъ старшаго парнишку, сироту, къ себѣ въ лавку взялъ, и о другихъ позаботился. Ужь далъ бы Господи этому дѣлу устроиться, такъ бы я поглядѣла еще, поколѣ Богу угодно, на голубчиковъ своихъ, да и посылай Господь по–душе, да примай ее, милосердный.... а ты не объѣзжай насъ и впредь, пусть и дѣтки порадуются тебѣ, а ты на нихъ!

Годъ спустя о ту же пору я опять мчался по тому же пути; день былъ праздничный, и вся природа, казалось, праздновала его. Было тепло, но не знойно, тихо, но не мертвый застой; легкая встрѣчная тяга воздуха обдавала прохладой и незамѣтно уносила докучную путнику пыль, глаза свободно глядѣли на міръ Божій, ширяя по закрою, и чувство раздолья вздымало грудь. Бездна дичи

оживляетъ здѣсь воздухъ, поля и лѣса: стаями сидитъ краснобровый полюхъ на любимой насѣсти своей, на сухой придорожной березѣ; думчиво тяжелый мошникъ покачивается на макушкѣ островерхой ели; шумно вырывается внезапно изъ–подъ ногъ боровой куликъ, подымаясь столбикомъ въ гору; по быстрымъ ключевымъ потокамъ, какъ тѣнь мелькая, стрѣлою проносится золотистая форель и пеструшка, не сближаясь потому только съ каспійскимъ осетромъ, что увалень этотъ обложенъ поголовщиной на уральское войско и ему дорога кверху перегорожена непропускомъ; но на почвѣ этой захожему гостю, оленю остяцкой тундры, случалось сталкиваться съ горбатымъ степнякомъ, караваннымъ верблюдомъ.

И опять–таки Башкиръ промчалъ меня на лычной упряжи подъ гору, мимо обычнаго пристанища моего, зеленыхъ ставенекъ, и съ трудомъ вразумилъ упрямую тройку свою, что надо опять подняться въ гору, воротясь назадъ. День

былъ праздничный, обѣдня отошла, улицы полны разряженнаго народа, всѣ заваленки усажены пестро и нарядно разодѣтыми казачками, мѣщанками и крестьянками, а мущины, въ халатахъ и кафтанахъ въ накидку, расхаживали туда и сюда. На заваленкѣ, предъ домомъ съ зелеными ставнями — на коихъ увидѣлъ я обнову: расписные горшки съ цвѣтами — на заваленкѣ сидѣла молодая чета, кровь съ молокомъ: Проня, въ красной канаусовой косовороткѣ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ, а молодая его, статная свѣтлорусая, такъ и сіяла въ шелковыхъ переливахъ; голова ея повязана была малою или гладенькою головкой, купеческою повязкой; кончики косынки надо лбомъ продѣты были въ алмазный перстенекъ, а сверхъ васильковой головки этой накинутъ былъ легкій кисейный платочекъ, захлеснутый концами подъ бородой. Съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣла она на чужаго пріѣзжаго во всѣ глаза, а Проня, узнавъ гостя, бросился высаживать его изъ тарантаса, подозвалъ жену, крикнулъ въ

окно матери; «ничего, Серафимушка», продолжалъ онъ, когда та, потупясь, чинно раскланивалась, «подойди да поцѣлуйся съ гостемъ, ничего, баринъ знакомый, вотъ какой знакомый, ровно свой!» Проня нудилъ меня въ избу, ухватилъ чемоданъ мой, напирая имъ на меня, изъ усердія, сзади, а тутъ выбѣжала старуха, и обнимаясь, всхлипнула, но удержалась, и стараясь подавить чувства свои, суетливо повела подъ укромную стрѣху свою. Это бурное волненье и взрывъ не могли быть вызваны, какъ прямою причиной, моимъ пріѣздомъ, и я оглядывался съ какимъ–то безпокойствомъ. Вошли и сѣли, праздничный самоваръ не только былъ уже на столѣ, но, казалось, уныло допѣвалъ протяжную пѣсенку свою, собираясь уснуть, да и въ хозяйствахъ было что–то молчаливое, тоскливое, неловкое; старуха говорила коротко и сухо, и какъ будто даже обликъ ея измѣнился; сынъ молча вздохнулъ разъ и другой; невѣстка, потупя очи, робѣла, и унося допѣвающій самоваръ,

боязливо покосилась на свекровушку свою, не зная, угодно ли ей она дѣлаетъ.

Мнѣ стало грустно. Кто же это изъ васъ, подумалъ я, и самъ потупя глаза, кто провинился, кто разрушилъ благодатный миръ и покой за зелеными ставеньками, на коихъ, будто напоказъ, расцвѣли алые и лазоревые цвѣты, между тѣмъ какъ за ними душа томилась, жизнь блекла? Вѣдь не ты же, прямой и добродушный парень, отъ котораго не было матери инаго отвѣта, кромѣ: "какъ знаешь, матушка, воля твоя, какъ хотите"; вѣдь и не Серафимушка не, которая же красовалась бы этою кроткою умилкой на щекахъ, еслибы рушила и свой, и семейный покой; такъ неужто же ты, чтимая всѣми, старая доброжелательница моя, разумная, богобоязненная, неужели ты сама подкапываешь и зоришь домъ, тобою воздвигнутый?

Между тѣмъ сосѣди дважды прибѣгали звать хозяевъ на вечерки, но молодые тихо отказывались.

— Чего нейдете, сказала мать, — я и безъ васъ гостя угощу, слава Богу, не впервые!

Я вздохнулъ. Не родительская рѣчь это, Авдотья Власьевна, подумалъ я, и не добромъ она звучитъ; знать злой кикимора раздора вытѣснилъ твоего исконнаго сдружливаго домоваго и поселился за изращатою печью, которая, бывало, такъ привѣтливо на меня глядѣла своими синими, нехитрыми кувшинчиками, по три цвѣточка въ каждомъ!

Молодые ушли, но не какъ уходятъ на вечеринку, а будто изъ–подъ неволи, робко и грустно. Я сидѣлъ молча, вслѣдъ имъ глядя. Убравъ самоваръ, старуха сѣла подлѣ меня, какъ и въ былые годы, съ чулкомъ, и также молчала; казалось, мы оба придумывали, съ чего бы завязать бесѣду.

— Авдотья Власьевна, спросилъ я безъ обиняковъ: — что это у тебя въ домѣ дѣлается?

— Чай самъ видишь что! пословица не спроста говоритъ: материно сердце въ

дѣткахъ, а дѣтское въ камнѣ! Ужь я ль его не любила, не жалѣла, ужь я ль ему не была днемъ денною печальницей, въ ночь ночною богомольницей!

Договоривъ это черезъ силу, старуха вскликнула и горько зарыдала, накрывъ лицо руками. Знать сильна была кручина, что одолѣла стойкую, крутую бабу и прорвалась обильными, жгучими слезами.

— Да скажи мнѣ намилость, продолжалъ я, отводя мокрыя руки ея отъ залитаго слезами лица, — скажи мнѣ, Власьевна, что же это у васъ сталось, какой некошный мутитъ въ домѣ? Кто причиной этого горя, вѣдь не Серафима же, тихая, кроткая, которую ты сама такъ хвалила….

— А въ тихомъ–то болотѣ бѣсы водятся, горячо перебила она, и заплывшіе слезами глаза блестнули недобрымъ блескомъ.

— Власьевна, вѣдь не похожа Серафима твоя на гнилое болото, воля твоя!

Старуха вспылила такъ, какъ я и не видывалъ — много, стало-быть, наболѣло и накипѣло на этомъ горячемъ сердцѣ.

— Что бѣла да румяна, да бровь черна, такъ и не похожа! А что мнѣ въ красотѣ то ея, не воду пить съ лица! Въ людяхъ красоваться, такъ было макомъ сидѣть, а пошла замужъ, такъ тутъ потѣшка иная, а про то забудь! Въ людяхъ смиренница, а дома змѣя запазушная! Нежто мы въ ордѣ живемъ? Да и тамъ старшихъ–то почитаютъ!

Я молчалъ, а Власьевна, послѣ короткой перемежки, продолжала:

— Тихоня она эдакая, и сына–то отъ меня отворотила! Правду говорятъ, что по дочери зять помилѣетъ, а по невѣсткѣ сынъ опостылѣетъ! Таковъ ли онъ теперь до меня, каковъ былъ? Изъ рукъ моихъ глядѣлъ, бывало, слова супротивнаго не слыхивала отъ него.... что, не вѣришь? продолжала она, зорко въ меня вглядываясь: — да она слышь и въ дѣвкахъ–то тихоней, смиренница эдакая, смотрѣла, а отца подъ свой норовъ гнела.

Зартачится, говоритъ, не хочу я ничего, не хочу обновъ, а вотъ сдѣлай то и то; старикъ и самъ человѣкъ нравный, и туда, и сюда, нѣтъ, обойдетъ таки его, на свое поставитъ. Навязалась на нее какая–то лохмотница, попрошайка, да еще и съ ребятишками, и довела таки отца до того, что пристроилъ ихъ всѣхъ, кого куда! Вотъ пошла было она и у меня верховодить, да нѣтъ, я ей воли не дамъ, я ей сразу всю правду–матку высказала, я вѣдь перегородя рыло, говорить не люблю. Вотъ она и притихла тебѣ, словно добрая какая, а шуры–муры пошли да пошли! Ты чай Пшеницину Ѳеклу знаешь? Ну, хозяинъ ея, торгуя, перехватилъ вишь у меня объ Рождествѣ сотню, а на маслену Богъ по душу послалъ, померъ; хвать–похвать, денегъ нѣтути, товаръ по рукамъ розданъ, стали допрашивать хозяйку — а та что, вѣстимо бабье дѣло, кромѣ печи да запечья ничего не вѣдаетъ! Какъ у нихъ тамъ дѣло было, не знаю, только потянули заимодавцы Ѳеклу мою во всѣ стороны, извѣстно, кому своего не жаль! Она и приходитъ ко мнѣ

плакаться, да рѣчь заводитъ о сиротахъ, а у меня тутъ и безъ нея на сердцѣ накипѣло; я ей и говорю: Да мнѣ что, Ѳекла Андревна, дѣти твои, а деньги–тѣ мои. Гляжу, а моя–то, что вишня, раскраснѣлась, съ назолу на меня; вотъ и пошла она сгоряча, не то уламываетъ меня, не то учитъ уму–разуму. Зло взяло меня, я и говорю: знаемъ мы, невѣстушка, что ты изъ молодыхъ да ранняя, только ты мнѣ въ моемъ дому не укащица: мы твоихъ то золотыхъ горъ еще не видали, а нашимъ добромъ не распоряжайся. Опять смолчала Серафима Ивановна, а какъ пошла отъ меня Ѳекла, гляжу, встала за нею невѣстушка моя:: я пождала, да и сама приотворила дверь въ сѣнцы, и слышу голосъ ея: ты-де, тетушка, не кручинься, съ малолѣтнихъ сиротъ отцовскихъ долговъ до возраста искать не станутъ, а я вотъ упрошу свекровушку свою за тебя, и мужа просить стану, онъ послушается меня.... Ладно-молъ, красавица моя, ладно, гдѣ сладкою рѣчью не возмешь, тамъ змѣей прошипишь! и хлопнувъ дверью, я пошла къ себѣ. Что она

тамъ послѣ сынку моему насказала, не знаю, не была я при томъ и грѣшить не хочу, только сталъ онъ отъ меня отшатываться, и ее–то съ собою уводитъ, а коли дома, то словно всякое слово мое сторожитъ, ровно ее оберегаетъ отъ вѣдьмы какой, прости Господи! А мнѣ что, коли мать родительница черезъ эту смиренницу опостылѣла, такъ и Богъ съ нимъ! Такъ закончила съ притворнымъ равнодушіемъ, обманывая самое себя, огорченная старуха.

Но изъ всѣхъ словъ этихъ я убѣдился, что эти семейные нелады, прямо ведущіе ко враждѣ непримиримой, основаны на однихъ только вздорныхъ, пустыхъ недоразумѣніяхъ, въ коихъ, несмотря на всѣ достоинства свои, виновата одна Власьевна. Съ горячею любовью хлопотала она о женитьбѣ сына, готова была, для счастья его, на всякую внезапную жертву, но не уяснила себѣ будущаго положенія и отношеній своихъ, а положившись на Бога, что–де авось все пойдетъ тогда хорошо, сама не приняла на себя для этого никакихъ обязательствъ, не сознавала никакой

перемѣны въ домѣ, глядѣла на невѣстку, какъ на новую картинку, прилѣпленную къ стѣнѣ, безгласную, нѣмую, а на сына, какъ на того же беззаботнаго парня, котораго надо растить, холить и поучать, ни въ чемъ не давая воли.

Пока сердце человѣка не затронуто страстью, не распалено, оно судитъ и рядитъ здраво, не только по разсудку, но и по вѣрному чутью; тутъ умъ и сердце заодно, раздору нѣтъ, благодатный миръ покоитъ чистую совѣсть; но коль скоро кремневая самотность дастъ искру о стальную грань внѣшняго міра, и вспышка распалитъ сердце, то оно становится слѣпо и глухо, и тупо къ мудрой правдѣ, оно слышитъ только себя, оно ненавидитъ все, что не можетъ съ нимъ согласоваться, и впадаетъ въ безуміе. Своей вины мы никому не прощаемъ. Давно ли старушка моя, умная и добрая, хвалилась благостыней Серафимы, давно ли ставила ей милосердіе въ великую заслугу, говорила, что заступнику нужныхъ самъ Богъ пособникъ, а теперь, позабывъ рѣчи

свои, тѣ же дѣла ставитъ ей въ укоръ, ненавидитъ ее за нихъ и гонитъ со свѣту!

— Авдотья Власьевна, сказалъ я наконецъ, — не знаю самъ, что тутъ говорить, это васъ некошный помутилъ: помолимся Богу, дай, я васъ помирю!

Старуха встала съ мѣста и повторила:

— Ты помиришь? нѣтъ, отецъ родной, продолжала она съ твердостію, — ни ты, никто живой человѣкъ не помиритъ насъ, а развѣ одинъ только Господь!

— Подлинно такъ, Авдотья Власьевна, отвѣчалъ я, — дѣло это Божье, не наше. Горе горькое выжало изъ меня бахвальную рѣчь эту, а самъ я вижу, что тутъ человѣческимъ умомъ ничего не сдѣлаешь.

Скучно показалось мнѣ въ этомъ доселѣ радушномъ домикѣ, будто я попалъ въ чужіе люди, на чужое мѣсто, и самъ сталъ не свой. Я послалъ за лошадьми; почти молча мы простились со старухой — слезы душили ее, и смутная дума потянулась вслѣдъ за мною: уныло вторилъ ей поддужный колокольчикъ, по звуку болѣе сходный съ боталомъ, въ которомъ по

временамъ путалась и заплеталось клепало, обличая неровную побѣжку коренной.

Смеркалось вовсе, и мы катились по дорогѣ, что по полотну, молча. Наконецъ возница мой соскучился, и оглянувшись, спросилъ: юрланм–ме? замѣтъ, что ли? Юрлай, отвѣчалъ я, будто проснувшись въ раздумьи, пой, твой волчій вой не будетъ рознить со строемъ души моей. Башкиръ, будто мѣхомъ, потянулъ въ себя дыханье, позадержалъ его и залился плачевнымъ высокимъ голосомъ, словно издали повѣтру донесся звучный стонъ, подконецъ замиравшій; затѣмъ послѣдовалъ однобразный напѣвъ, на слова мѣстнаго народнаго сочиненья: «Сакмаръ быстра, бреуна тулста, икмякъ да іокъ, капралъ да сокъ!» и подконецъ дѣло завершилось начальнымъ протяжнымъ воемъ.**

---

* Лѣсная и дровяная торговля въ степномъ Оренбургѣ была въ однѣхъ рукахъ, и цѣны, какъ пола гали, произвольны и высоки; чтобъ устранить это зло, основана была казенная дровяная торговля, со сгономъ лѣса Башкирами, по наряду. Дело кончилось обогащеньемъ нѣсколькихъ казачьихъ чиновниковъ, обнищаниемъ многихъ Башкиръ, большою смертностіюъ сгонныхъ командахъ, еще большею противу прежняго дороговизной дровъ, и раззореньемъ лѣсопромышленника, который кончилъ жизнь своюъ землянкѣ, на кладбищѣ, гдѣ поселился яя божедомомъ и и хоронилъ своими руками покойниковъ, во время страшного холерного мора. Память его жива донынѣ и проживетъ долго.

Не развеселила меня эта пѣсня, сложенная, какъ всѣ народныя пѣсни, никѣмъ, хотя и поется всѣми. Отчего же самый благонамѣренный, ретивый и честный начальникъ покидаетъ за собою такую память? Отчего, спрошу прямо, изъ столькихъ десятковъ перемѣнныхъ начальниковъ губерній нѣтъ ни одного, о коемъ бы на мѣстѣ большинство отозвалось признательно и любовно? Издали указываютъ, какъ бы завидуя другъ другу, на того или другаго съ похвалой; былыхъ и давнихъ поминаютъ иногда добромъ; но налицо такихъ не бываетъ. Былъ одинъ такой, близкій мнѣ человѣкъ, такъ скоро надорвался, обезумѣлъ и Богу душу отдалъ. Былъ и другой, такъ этого довели до неистовства, и онъ сталъ править кулаками. Зналъ я и третьяго: онъ честно бился, до изнеможенья, а потомъ сталъ править отписываясь и разчитывая, сколько ему осталось служить до пенсіи. Сковозь трущобу корысти, бездушной лѣни, несознанія за собой никакого долга, сквозь грязный слой привычной, обиходной лжи,

сквозь цѣлыя горы письма не пробьешься, ни снизу, ни сверху; задавленные всѣмъ этимъ, мы ждемъ только большихъ оказій, чтобы прокричать ура, задать обѣдъ на славу, и очень заботимся о томъ, чтобы праздникъ этотъ, прощальный или встрѣчный, праздникъ, на которомъ мы забылись и перевели духъ, былъ обстоятельно пропечатанъ во всѣхъ вѣдомостяхъ. Этому описанію задушевности никто не вѣритъ, никто его и недочитываетъ, но дѣло закончено въ порядкѣ и сдано въ архивъ...

На какой безтолковый бредъ однакоже навела меня заунывная пѣсня Башкира, которую я, будучи не въ духѣ, назвалъ волчьею пѣсенкой! Но дѣло въ томъ, что года черезъ три, четыре послѣ этого со мною сталось то, что, говорятъ, со многими бываетъ: внезапно мелькнуло во мнѣ чувство, будто я вторично переживаю какое—то мгновеніе прошлаго, будто все, что во мнѣ и со мною, сбывается вторично. Я быстро оглянулся, очнулся, и увидѣлъ, что ѣду ночью на башкирской тройкѣ, что

возница, въ островерхой валяной шапкѣ, завываетъ: «Сакмаръ быстра, бреуна тулста», мало того, увидѣлъ, что подъѣзжаю къ тому же мѣсту и вскорѣ помчусь подъ гору, къ домику съ зелеными ставнями!

Нечаянная встрѣча задержала меня однакоже на нѣсколько часовъ по сосѣдству, и знойное солнце стояло уже высоко, когда я остановился у знакомыхъ воротъ, запертыхъ, на сей разъ, будто никого не было дома, да и въ окнахъ, несмотря на почтовый колокольчикъ, никто не показывался. Я вошелъ въ калитку, взошелъ на крылечко и оглянулся: сѣнцы усыпаны были свѣжею, пахучею травой, на коей сидѣла краснощекая, бѣлокурая дѣвочка, заботливо выбиравшая синіе колокольчики, алый душистый горошекъ, бѣлую кашку, укладывая ихъ ворохомъ у себя на колѣняхъ и напѣвая про себя: Алый цвѣтъ, алый цвѣтъ, скажи, любишь или нѣтъ? Глядя на такого ребенка, мнѣ всегда думается: сколько мира и непорочности дается человѣку въ задатокъ будущности

его, какъ свято и цѣло блюдется оно, доколѣ еще сердце и думка не рознятъ между собою, и какое бурное волненье въ немъ возникаетъ съ того часу, когда онъ начинаетъ сознавать личность и самостоятельность свою! Какое врожденное сочувствіе къ этому мирному младенческому быту отзывается въ тайникѣ души каждаго, утратившаго это состоянье, даже въ самомъ грубомъ и черствомъ сердцѣ!

— Здравствуй дитя, сказалъ я тихимъ голосомъ, чтобы не всполошить ребенка. Малютка вскинула на меня ясные каріе глаза, въ коихъ отчетливо отразился взглядъ матери ея, а обликъ въ губкахъ и въ умилкѣ на щечкахъ. — Здравствуй, повторилъ я, переступая порогъ; дѣвочка вскочила, тихо проговорила: «здравствуй», кивнула головкой и попятилась. — Какъ тебя зовутъ?

— Внука, Душарка, проговорила она и бросилась бѣгомъ мимо меня на дворъ.

— Гдѣ бабушка? кричалъ я ей вслѣдъ. Но Душарка, оглянувшись на меня и ничего

не отвѣчая, вскочила черезъ растворенную калитку въ огородъ и скрылась въ густомъ, росломъ бурьянѣ. Я глядѣлъ ей вслѣдъ, съ высокаго крылечка, изъ–подъ навѣса на рѣзныхъ столбикахъ: трава раздавалась и колыхалась надъ головой бѣглянки, струясь за нею, какъ вода за ныряющимъ утенкомъ. Пошедши этимъ слѣдомъ, я услышалъ зовъ ея: «баба! баба!» Все вокругъ меня было в полномъ ростѣ: въ воздухѣ стоялъ запахъ укропа, огурцовъ, медунки и липы въ цвѣту, подсолнухи подставляли щедровитое лицо свое прямо подъ палящіе, знойные лучи; янтарная смола топилась и висѣла ожерельемъ на золотыхъ лепесткахъ; подъ липами и старою, нависшею ивой стояли улья, пчелы дружно гудѣли цѣлыми роями; нѣжась на солнцѣ, носились они надъ высокою травой, избирая себѣ между пестрыми головками лакомый присѣстъ; кузнечики трещали вокругъ въ своихъ закоулкахъ; звонкій, однообразный напѣвъ иволги раздавался въ концѣ огорода, гдѣ густая посадка ивъ указывала на болотистый ручей. «Баба! баба!»

продолжала покрикивать визгливымъ голоскомъ малютка, и на грядахъ, какъ изъ земли выросла, явилась привставшая Авдотья Власьевна: «асеньки?» откликнулась она ласково, протянувъ руки къ бѣгущей встрѣчу дѣвочкѣ, съ трудомъ выбравшейся изъ высокой травы и прыгавшей по грядкамъ: «асеньки мой!» Старуха подхватила внучку налету, вскинула ее высоко и, уложивъ на руки, зацѣловала.

— Здоровенько ль живешь, Власьевна! крикнулъ я издали. Она стала всматриваться въ меня, застѣнивъ глаза отъ палящаго солнца ладонью. Я подошелъ вплоть къ ней, прикрывъ лицо шапкой, и вдругъ спросилъ: — не признаешь, что ли?

— Ахъ родимый, баженый, моленый! То–то слышу я, голосъ знакомый, словно свой, а въ лицо–то и не признаю, супроти солнца, а въ глазонькахъ–то свѣтъ ужь тусклый, родименькій, старость приходитъ, хоть хворать больно не хвораю, да ужь ветшаю; а все Бога благодарю!

Пошли мы въ избу; догадливый ямщикъ, не дожидаясь распорядковъ, вкатилъ тарантасъ мой подъ навѣсъ и отпрягъ коней.

— Проня дома у тебя? спросилъ я: — аль въ торговлѣ?

— Нѣтъ, уѣхалъ съ невѣстушкой на богомолье, къ Девятой Пятницѣ.

Замѣтимъ, что эта явленная икона Богоматери, на девятую Пятницу послѣ Пасхи, обходитъ полгуберніи, и къ этому кочевому шествію стекается бездна народу со всѣхъ сторонъ, и каждое населенное мѣсто всѣмъ населеніемъ своимъ провожаетъ ее отъ себя до ночлега.

— Мои со вкладомъ поѣхали, продолжала старуха, таща за собой дѣвченочку, которая, то подпрыгивая, то волочась по землѣ, мурлыкала пѣсенку, — говорятъ, надо–де Бога благодарить, за милосердіе Его. Пойдемъ–ка, Душарочка, да самоварчикъ поставимъ для любаго гостя, чайку заваримъ!

— Ну Авдотья Власьевна, сказалъ я, — у тебя растетъ внука безприданница, гляди какая красоточка будетъ!

Старуха радостно улыбнулась, по привычкѣ своей повертѣла отъ удовольствія головой и съ важностію сказала:

— Вся въ мать, вотъ вылитая Серафимушка! Младенецъ смиренный, жалостливый, что хошь попроси, все отдастъ, изо–рту пряникъ вынетъ, отдастъ, какъ есть мать!

Эта рѣчь изумила и умилила меня до крайности: стало–быть, въ эти годы много пережито въ этомъ домикѣ; нѣтъ и слѣда безнадежнаго, отчаяннаго раздора, надъ коимъ и вчужѣ надрывалось сердце, господствуетъ любовъ да совѣтъ..... Молча я призадумался и потупилъ сидя глаза, будто боялся разочарованья. Между тѣмъ въ кухонькѣ подлѣ, несмотря на притворенную дверь, раздавалось сопѣнье кузнечнаго мѣха: это Авдотья Власьевна раздувала самоваръ, а по временамъ слышался тонкій голосокъ Душарочки.

— Стало–быть васъ внука помирила и внесла благодать въ семью, сказалъ я наконецъ управившейся съ самоваромъ хозяйкѣ.

— Нѣтъ, не внука; хоть и ангельская душа, а не она: сказывала я тебѣ, коли помнишь, что кромѣ Бога, никто не помиритъ — такъ оно и вышло: это, какъ есть, дѣло Божье! кабы не онъ, не его милосердіе, мыкали бъ мы горе по вѣкъ свой. Ну, дай срокъ, я все поразкажу тебѣ, безъ утайки, что и какъ было.

Усѣвшись за самоваръ, я разъ–другой отъ нетерпѣнья закидывалъ словечко про это дѣло, но Авдотья Власьевна, кивнувъ головой, отвѣчала только: «дай срокъ!» Наконецъ, убравъ самоваръ и уложивъ Душарку спать, она задумчиво усѣлась противъ меня, подперлась локтями, уставила глаза прямо на меня, и начала:

"Чай слыхалъ ты поговорку: сердита кобыла на возъ, а претъ его и подъ гору и въ гору? Вотъ такъ–то и мнѣ жилось въ домѣ, всѣ опостылѣли, и невѣстка, и сынъ по ней, и не глядѣла бы на Божій свѣтъ.

Встанешь ранкомъ, и лба не перекрестишь, а ужь она тутъ; и утромъ вмѣстѣ, и въ обѣдъ вмѣстѣ, и вечеръ вмѣстѣ — хоть въ землю уйдти, одна бъ отрада была! Ину пору и словечка не молвитъ, а все кажись поперекъ стоитъ, только душу мутитъ. Такъ маялась я изо дня въ день, доколѣ Господь не смиловался надо мной. Вотъ онъ, душеспаситель мой, и послалъ мнѣ немочь, болѣзнь смертную, и ужь вижу я подъ конецъ сама, что умираю. Дай, поколѣ еще Богъ памяти не отнялъ, распоряжусь всѣмъ добромъ своимъ, пусть и по насъ поживутъ, не поминаючи насъ лихомъ; не обидѣла я и дочки, хоть зятекъ ужь никуда не сталъ годенъ, и еще кой–кого помянула, и расписать все велѣла сынку, а остальному всему онъ же самъ законный, прирожденный наслѣдникъ остался; позвали отца духовнаго, и онъ руку приложилъ; пріобщилась я и поновилась отъ него, послѣ исповѣди, святымъ причастіемъ, и говорю, вотъ–молъ и слава Богу, совсѣмъ; и дѣтей благословила, да ужь почитай слова не могла вымолвить,

сталъ языкъ отниматься и память обмирать."

— Понимаю, Власьевна, стало–быть, тогда–то ты съ Серафимой простилась и помирилась, сказалъ я.

"Не мирилась я грѣшная ни съ кѣмъ, отвѣчала горячо старуха, — а ты слушай: мнѣ думалось, что обидѣли меня дѣти, что Господь взыщетъ съ нихъ за это, а мнѣ попомнитъ, какъ я ему денно и нощно печаловалась! Ты слушай: вотъ и стало мнѣ къ утру таково тяжело, гдѣ–гдѣ дохну; да и то не во всю грудь, ни туда, ни сюда, ни живота, ни смерти, и очи мои закатились, и обмерла; ни губами, ни пальцемъ однимъ не пошевелю, бровью не поведу, все во мнѣ замерло, и слышала я, какъ послѣдняя горячая струйка крови пролилась, сердце стало, не бьется, сама не дышу — вотъ она смерть какая бываетъ, подумала я, — прими Господь грѣшную душу мою! И умерла!

"Вотъ лежу я, покойница, и думаю себѣ: гдѣ же я это, на этомъ свѣтѣ, или на томъ? Словно ангелы небесные ликуютъ вкругъ

меня, да не близко, издалече, а ничего не вижу. Тутъ послышалось что–то около, будто голосъ сосѣдкинъ: преставилась голубушка наша, помяни Господи во царствіи твоемъ душеньку рабы твоей Евдокіи! Прибѣжали сынъ и дочь, а невѣстка въ ту пору по родамъ въ постели лежала, ея сынъ не пустилъ; поднялся плачъ, вой, причитанья — а я лежу, словно каменная, ни живчика во всемъ тѣлѣ моемъ нѣтъ — и словно мнѣ ихъ и не жаль; слышу, руки мнѣ складываютъ, обмывать собираются, — что жь это, и вправду, неужто такъ люди умираютъ? Пришелъ и зятекъ, поглядѣлъ видно, постоялъ, и слышу, говоритъ: и заживо мало радости отъ нея видѣли, и померла горе не велико! Тутъ сторонніе люди корить стали его, а меня, дай Богъ имъ здоровья, добромъ помянули. Такъ–то лежа я тутъ много чего наслушалась, а все–таки видно люди Бога боятся, больно лихомъ не поминали! Народъ поразошелся, все стихло, и сынокъ ушелъ готовить что нужно, матушку свою хоронить — вотъ я слышу, кто–то

крадучись пробирается ко мнѣ въ горницу, словно по стѣнкѣ бредетъ, и стонетъ про себя, да подошедши къ кровати, бухъ, на меня, прямо на грудь ко мнѣ, и охватило меня что–то горячими руками, и припало къ лицу горячимъ лицомъ; а слезы, кипень кипнемъ, варъ варомъ, что капель вешняя со стрѣхи, такъ на меня ливнем полились, и на щеки, и на грудь, и на лицо. Господи, думаю, кто это такое? Аль доченька горемычная опять вернулась, чтобъ одной по себѣ наплакаться? Слышу, всхлипываетъ, да шепотомъ причитаетъ; что молъ голосъ ровно Серафимушкинъ, а чего ровно, она и есть! Она, сердечная, съ ложа мукъ и болей встала, и ноги не держатъ, а приплелась, какъ все въ избѣ опустѣло, приникла жаркимъ ликомъ на грудь ко мнѣ, и истекаетъ слезами.... Мамонька моя родимая, открой ты свои грозны оченьки, погляди ты, каково–то мнѣ безъ тебя горькимъ горькошенько! Видитъ ли душенька твоя правду мою, все нутро мое, ты видишь ли, вѣришь ли злой невѣсткѣ своей? Такъ–то голося, она все крѣпче и

крѣпче ко мнѣ припадаетъ, такъ и прижимается..... Ну, отецъ родной, что со мной дѣялось тогда, не дай Богъ и ворогу Татарину, ни другу, ни недругу! Стало меня ретивое корить, адскимъ огнемъ палить, и жалостью одолѣла смертная, жалость такая, что вотъ бы въ ноги такъ и повалилась ей, обняла бы ее, какъ и сына роднаго не обнимывала — да не могу ни суставчикомъ мизинца пошевелить, ни знаку признаку подать.... Долго ли мы такъ лежали, не знаю — а она видно ужь и сама ослабѣла и притихла.... вдругъ, словно оторвалось что во мнѣ, словно жаль моя камнемъ тяжелымъ отъ сердца отвалилась, и стала подыматься, подыматься, да и вырвалась вздохомъ изъ устъ моихъ, и ожило сердце во мнѣ, и очи отворились....

Что послѣ было — не спрашивай, и сама не знаю; сказывали, что нашли насъ обѣихъ безъ памяти, и прохворали мы обѣ долго: я–то стала на радостяхъ бойчѣе оправляться, а она, послѣ родовъ, да съ испугу, что мамонька ожила подъ слезами ея, пуще было расхворалась, и сама въ

забытьи была, да ужь я ее тогда отхаживала; а на душѣ–то у насъ стало таково тихо и радостно, потому вишь, что ангелы Божьи обмиранье это навели на меня, чтобъ я грѣшная досыта ласки Серафимушкиной наслушалась, а то бы я никому, никому въ томъ не повѣрила. Вотъ тебѣ, отецъ мой, все дѣло какъ оно было, и съ тѣхъ поръ, всѣ мы самъ–третей живемъ душа въ душу, другъ у друга изъ рукъ глядимъ, тишь да крышь, да Божья благодать!

Мы оба долго молчали. Та ли это тревожная, сумрачная, подозрительная старуха, которая видѣла вкругъ себя одно коварство и затаенную злобу, которую и самое съѣдала ненависть ко близкимъ сердцу ея, та ли это мать, въ отчаянномъ, безутѣшномъ положенiи? Мнѣ казалось, что и самое лицо ея съ тѣхъ поръ измѣнилось, любовь и покой изгладили суровыя черты и провели свою привѣтливую бороздку. Видно, не перемѣна мѣста нужна для счастья нашему, а перемѣна состоянiя души нашей, и

постылое станетъ милымъ, и человѣкъ, самъ не вѣдая какъ, послышитъ себя духомъ въ небесномъ царствѣ.

"Много искаженія внѣдрилось въ человѣчестве, но кой–гдѣ и кой–когда, въ укромной тиши, въ потьмахъ, просвѣчиваютъ искры свѣта и тепла, и повсюду Божеское Провидѣнье, не покинувшее доселѣ народа своего, отвѣчающее на безуміе премудростію" Это было началомъ, и это же пусть будетъ и конецъ нашего разказа.

В.ДАЛЬ